Как языком говорит.

Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.
. . . . . .
В лихву дать сребро стыдится,
Мзды с невинных на берет.
Кто так жить на свете тщится,
Тот во веки не падет.

(«Переложение псалма 14»).

Оставаясь, следовательно, в пределах самого высокого жанра современной ему поэзии, жанра оды духовной, Ломоносов вносит в него гражданственную политическую и философскую проблематику и даже элементы общественной сатиры.

Из всех поэтов первой половины XVIII в. Ломоносов всего ближе к Симеону Полоцкому в смысле осторожного, бережного отношения к тексту «Псалтыри». Тредиаковский, а позднее и Сумароков больше, чем Ломоносов, обязаны поэтическому примеру Симеона Полоцкого в другом отношении: оба они, следуя ему, переложили всю «Псалтырь» стихами, повторив грандиозную поэтическую работу автора «Псалтыри рифмотворной».

До сих пор эта область поэтической работы Тредиаковского почти не изучена, отчасти и потому, что вся его «Псалтырь» (за исключением 10 переложений) вместе с очень интересным к ней предисловием осталась неопубликованной, и размах работы Тредиаковского был скрыт даже от исследователей истории русской поэзии XVIII в. Тредиаковский предполагал все свои переложения псалмов напечатать в Академии наук.[28] В ЦГАДА хранится беловая рукопись со следующим заголовком: «Псалтырь, или книга Псалмов, блаженного пророка и царя Давида, преложенных лирическими стихами и умноженных пророческими песнями от Василья Тредиаковского. В Санктпетербурге 1753».[29]

В поэзии псалмов Тредиаковский видел источник для обновления современной поэзии, утратившей высокое общественное значение, которое было ей присуще в древности. Стилистика псалмов представляется теперь Тредиаковскому идеалом, на который должна равняться современная поэзия: «Что более в Псалтырь начал я вникать (по случаю CXLIII псалма, прежде всех других и особенно преложенного при некоем любопрении), то сильняе отчасу стал быть поражаем великолепием ее слога и чувствовать величие изображаемых всюду в ней вещей. Все обоняю в псалмах велико, величественно, велелепно! Все дышущее божиим духом, благоухающее святостию и вещающее божественным красноречием ощущаю! В них красуется небо с златозарными светилами и с силами полков и кругов их неиссчестных; в них шумно рыщет, в торжественном возмущении, воздух с тучами, с громом, с молниями; в них земля в заклепах своих и твердынях, с горами и холмами скачет; в них море с безднами играет, а реки и источники в веселии плещут; в них огнь и самый ефир ликовствует бурно; в них вся тварь, весь род вещества, все естество, в превыспренных местах и преисподних, трепещет присутствия владычня, трясется от облистания его, внемлет в ужасе мановение вседержавныя дес-

[28] О причинах, помешавших публикации его стихотворной «Псалтыри», см.: И. Серман. Неизданная философия поэма Тредиаковского. — Русская литература. Л., 1961, № 1, стр. 163—164.

[29] ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1037, л. 1.